

Из-за того, что Си Ань получил ранение, эта поездка в город Цинъян завершилась поспешно, едва успев начаться.

Линь Цинбай с сопровождающими задержались в городе Цинъян на два дня, чтобы все могли прийти в себя и настроиться на нужный лад, а затем отправились обратно в Столицу. Чтобы избежать повторной встречи с дикими зверями на обратном пути, они выбрали другой маршрут. Хотя новая дорога оказалась длиннее, она была главной, широкой и ровной, так что за время пути им больше не встретилось ничего необычного.

Вернувшись в Резиденцию вана, Си Ань должен был лежать в постели и восстанавливаться еще около месяца.

Однажды Линь Цинбай получил приглашение от Императора и отправился во дворец для обсуждения государственных дел. Как только евнух проводил его до дверей Императорского кабинета, они столкнулись с генералом Чу, выходящим наружу.

Генерал Чу был одет в коричневый парчовый халат с вышитыми головами львов. Несмотря на то что ему уже перевалило за пятьдесят, он был статен и крепок, а его глаза по-прежнему светились пронизательностью и силой. Рядом с ним шел мальчик.

Увидев Линь Цинбая, генерал Чу остановился и склонился в поклоне:

— Ваше Высочество.

Стоявший рядом мальчик последовал его примеру.

Линь Цинбай внимательно оглядел обоих и спокойно произнес:

— Генералу Чу не стоит утруждать себя излишними церемониями. Я давно не видел вас и сам хотел выбрать время, чтобы нанести визит в вашу резиденцию, не ожидал, что мы встретимся здесь.

Генерал Чу расслышался и с вежливой улыбкой ответил:

— Ваши слова для меня большая честь, Ваше Высочество. Это мне следовало бы навестить вас, но я только вернулся в Столицу и был настолько занят, что никак не мог вырваться. Прошу прощения за свою неучтивость.

Мальчик на вид был лет десяти: с прямой осанкой и благородными, приятными чертами лица. Когда он смотрел на людей, его взгляд был прямым и открытым. Даже в одежде простого стражника он выглядел примечательно.

Линь Цинбай на мгновение замолчал, а затем добавил:

— Я слышал, что на днях, когда Императрица повела принцев и принцесс в храм помолиться,

на них напали убийцы. Принцессу спас юноша, подметавший храм — он бросился вперед и принял удар на себя, благодаря чему она осталась невредима. Позже брат-Император взял этого ребенка к себе личным телохранителем принцессы.

Мальчик, о котором шла речь, стоял рядом с генералом Чу.

Пока они обменивались вежливостями, евнух, сопровождавший Линь Цинбая, тихо позвал его. Линь Цинбай отвел взгляд и вошел в Императорский кабинет.

Император сидел за столом, просматривая доклады. Увидев содержание одного из них, он нахмурился и надолго замер с кистью в руке.

— Брат-Император, не стоит себя так утруждать. Страна процветает, границы спокойны. Если при дворе нет молодых талантливых полководцев, самое время заняться их подготовкой.

Император глубоко вздохнул и ответил:

— Младший Десятый, генералу Чу уже за пятьдесят, его силы и энергия не те, что раньше. После этой кампании я планировал позволить ему остаться в столице и отдохнуть в покое. Но посмотри сам на весь наш двор — кроме генерала Чу, у нас не осталось ни одного молодого военачальника, который обладал бы и мужеством, и стратегическим умом, чтобы командовать армией на границе. Как же мне не тревожиться?

Линь Цинбай подошел к столу и поклонился:

— Брат-Император.

Император тут же отложил доклад и жестом пригласил его:

— Садись скорее, Младший Десятый, помоги мне разобраться с тем, что здесь написано.

Линь Цинбай сел с другой стороны стола, взял доклад и принялся внимательно читать. В нем говорилось о недавних приграничных столкновениях. Суть сводилась к тому, что генерал Чу, проделав долгий путь до Цяньчжоу и не раз заглянув в лицо смерти, за два года усмирил границу. В докладе подчеркивалась верность генерала престолу, и чиновники просили Императора пожаловать ему титул Великого генерала первого ранга и доверить управление Восточным военным лагерем в Столице.

Линь Цинбай молча дочитал документ, закрыл его и, проигнорировав саму просьбу, с легкой улыбкой произнес:

— Генерал Чу совершил великий подвиг. Брат-Император должен быть доволен, почему же я вижу беспокойство?

Император коснулся нефритового пресс-папье на столе — камень был чистым и прозрачным, с

искусной резьбой в виде дракона.

— Разве легко вырастить такого человека? Тот, кто сможет встать на защиту нашего государства, должен обладать выдающимися талантами.

Линь Цинбай медленно проговорил:

— Воспитание полководца подобно огранке нефрита. У некоторых природные данные настолько хороши, что после небольшой шлифовки они начинают сиять ярче любого другого материала. Однако я долго искал среди отпрысков столичной знати и так и не нашел подходящего «сырья».

— И ты считаешь, что этот ребенок может подойти? — спросил Император.

Линь Цинбай кивнул:

— Ребенок десяти лет бросился спасать принцессу — это мужество. После этого он не попросил ни денег, ни наград, а захотел лишь служить во дворце — это мудрость. Юное дарование, обладающее и храбростью, и разумом, — пожалуй, это именно тот человек, о котором ты говорил.

Мысли Линь Цинбая совпали с мнением Императора. Тот просиял, дважды рассмеялся и похлопал брата по плечу:

— Если бы ты не был моим родным братом, я бы решил, что ты читаешь мои мысли. Мальчика зовут Юэ Хуэй. Я приставил его к принцессе, чтобы некоторое время понаблюдать, и он действительно оказался толковым. Я уже приказал ему стать учеником генерала Чу. А станет ли он бесценным нефритом или останется обычным камнем — зависит только от его собственной судьбы.

Линь Цинбай с улыбкой кивнул. Вероятно, именно Юэ Хуэя он видел уходящим вместе с генералом Чу.

— Генерал Чу искусен в боевых искусствах и не знает равных в командовании войсками. Уверен, он оправдает надежды Вашего Величества, — сказал Линь Цинбай, ставя чайную чашку на стол.

Они обменялись еще парой фраз, после чего Император сменил тему. Нахмурившись, он вздохнул:

— Младший Десятый, три года назад, когда скончался генерал Фу, вся тяжесть управления армией легла на плечи генерала Чу. Если после его триумфального возвращения я не одарю его должным образом, боюсь, это вызовет недовольство среди подчиненных.

Разговор, как он и ожидал, вернулся к самому главному. Линь Цинбай опустил глаза, все прекрасно понимая, и тихо произнес:

— Генерал Чу оказал неоценимую услугу государству, его нужно щедро наградить.

— И что бы ты посоветовал мне ему даровать?

— В докладе сказано верно: Ваше Величество может присвоить ему титул Великого генерала первого ранга и передать под его командование Восточный военный лагерь.

Император подался вперед, оперся рукой о стол и, не сводя глаз с Линь Цинбая, спросил:

— Восточный военный лагерь обладает огромной силой и держит в руках ключ к безопасности столицы. Ты действительно считаешь, что его можно доверить генералу Чу?

Линь Цинбай улыбнулся, не меняясь в лице:

— Именно потому, что лагерь обладает такой мощью, я считаю, что при дворе только генерал Чу достоин этой ответственности.

Император слабо улыбнулся и отвел взгляд:

— Хорошо! Раз уж князь Юнь так говорит, завтра на утреннем докладе я издам указ о назначении генерала Чу Великим генералом первого ранга и главой Восточного военного лагеря!

Обсудив дела, Император оставил Линь Цинбая во дворце сыграть партию в го. Когда тот вышел из кабинета, уже наступил вечер. Небо окрасилось в багровые тона, облака пылали, как пожар. В народе такое зрелище называют предвестником удачи.

Линь Цинбай остановился, слегка поднял голову и долго смотрел в небо, не шевелясь. Ведущая его служанка не смела нарушить молчание и стояла поодаль, склонившись в поклоне. Она украдкой поглядывала на него.

Князь Юнь — родной брат правящего Императора, десятый среди его сыновей, ему всего девятнадцать лет. Несмотря на болезненный вид, он был невероятно красив, стоя в своих простых светло-голубых одеждах. Слуги во дворце шептались, что хотя здоровье князя оставляет желать лучшего, он обладает острым умом и невероятной проницательностью.

Спустя некоторое время Линь Цинбай внезапно повернул голову и спросил её ровным голосом:

— Как думаешь, закат выглядит иначе, если смотреть на него внутри дворца и за его пределами?

Служанка испугалась, поспешно опустила голову и пробормотала:

— Раб... рабыня считает, что нет никакой разницы...

Линь Цинбай улыбнулся, ничего не ответил и продолжил путь. Императорский дворец был величественным, но за высокими стенами Линь Цинбай, облаченный в скромные синие одежды, внезапно ощутил небывалую тяжесть. Говорят, что в семьях правителей нет места чувствам, и сегодня Линь Цинбай ощутил это в полной мере.

Этот вызов во дворец под предлогом обсуждения наград был лишь проверкой. Год назад мать нынешнего Императора скончалась от болезни, и покойный Император, потеряв любимую супругу, охладил к государственным делам и добровольно передал трон. Тогда новому Императору было всего двадцать два года, его положение было шатким, а сам факт отречения отца при живом наследнике вызвал множество пересудов среди чиновников.

В то время только Линь Цинбай стоял рядом с братом и всеми силами поддерживал его, помогая удержать власть. Шли годы, Линь Цинбай занимал высокое положение, имел множество верных людей, а братья жили в согласии. Но недавняя внезапная смерть генерала Фу, управлявшего Восточным военным лагерем, стала тем камнем, что вызвал круги на воде.

Поползли слухи. Злые языки болтали, что Император обязан своим тронном лишь удачному рождению, матери-любимице, отцу-отшельнику да младшему брату-стратегу, а сам он из себя ничего не представляет. Другие шли еще дальше, заявляя: если Восточный военный лагерь окажется в руках князя Юня, Император станет лишь марионеткой, и стоит брату пошевелить пальцем, как трон придется отдать.

Линь Цинбай не интересовался борьбой за власть, но нельзя было отрицать: почти все, кто мог бы возглавить армию, были его людьми. Единственным исключением был генерал Чу. Поэтому Император поспешил вернуть его в Столицу и под видом наград передал ему власть над лагерем. Теперь, опираясь на свой авторитет, генерал Чу мог стать противовесом самому Линь Цинбаю.

Император боялся, что власть Линь Цинбая станет угрозой для его правления. Он больше не доверял брату.

Когда Линь Цинбай вернулся домой, было уже время ужина. Слуги помогли ему выйти из кареты, но он отмахнулся от предложений поужинать:

— У меня нет аппетита, оставьте.

— Ваше Высочество, прикажете приготовить ванну?

Линь Цинбай замер, оглядел двор и сказал:

— Не нужно. Я пойду проверю, как Си Ань справился с сегодняшними занятиями.

Стоило ему это произнести, как лица слуг вмиг изменились. Они переглянулись, но никто не осмелился шагнуть вперед. Линь Цинбай помрачнел:

— Где тетушка Лянь?

Слуги молчали, потупив взор. Линь Цинбай взмахнул рукавами и широким шагом направился к покоям Си Аня. Потемнело, во дворе было сумрачно. Слуги, освещая путь свечами, в панике семенили следом.

Приближаясь к дому, Линь Цинбай слышал шум. Чем ближе он подходил, тем отчетливее становились звуки суматохи. Войдя во двор, он увидел, что тетушка Лянь в панике мечется из стороны в сторону, отдавая приказы слугам, которые перевернули всё вверх дном. Никто даже не заметил, как Линь Цинбай появился на пороге.

— Что происходит? — ледяным голосом спросил он.

Все в ужасе замерли. Тетушка Лянь обернулась, и, встретившись с ним взглядом, не выдержала — её колени подогнулись, и она с грохотом рухнула на пол.

— Ваше Высочество... вы... вы вернулись.

— Где Си Ань? — Линь Цинбай обвел присутствующих холодным, пронзительным взглядом.

Тетушка Лянь прикусила губу, нервно теребя край одежды. Сглотнув, она опустила голову и прошептала:

— Раба виновата, смерти мне мало... Я не усмотрела за юным господином. Мы пришли позвать его к ужину, но в комнате никого не оказалось. Мы обыскали всё, но... юный господин исчез.

<http://bllate.org/book/22078/2295869>